
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ. ТИПОЛОГИЧЕСКИ ДАЛЕКИЕ ЯЗЫКИ И ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

Н.М. Краевская

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Ханойский государственный университет
Вьетнам, г. Ханой, 15, 157234

В настоящее время все большее внимание уделяется изучению иностранных языков в связи с родным языком учащегося. В процессе изучения русского языка вьетнамские учащиеся знакомятся с особенностями русского языкового сознания и русской языковой картины мира, значительно отличающихся от их собственных. В статье автор перечисляет факты сходств и различий, многие из которых вызывают затруднения в усвоении русского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, ментальность, изучение иностранного языка, русский язык во Вьетнаме, трудности изучения русского языка.

1. Он несет чемодан в опущенной руке. 2. Завтра я поднимусь к старшей сестре на Западное озеро. 3. У вас одноэтажный дом? — Да. — А вы где располагаетесь? — В нижней комнате.

Если носитель русского языка услышит такие фразы в речи говорящих по-русски вьетнамцев, он, несомненно, отметит их корявость и странность. У него также могут возникнуть недоумение и вопросы: А как же еще можно нести чемодан, если не в опущенной руке? Почему на это озеро нужно подниматься, разве оно в горах? Что это за нижняя комната в одноэтажном доме, полуподвальное помещение?

Преподаватель русского языка как иностранного сразу же предположит, что странность этих грамматически правильно оформленных предложений, некорректность словоупотребления, скорее всего, вызваны влиянием родного языка, интерференцией. И будет прав. А почему это происходит, сможет объяснить лингвист, знающий особенности того языка, который является для него иностранным.

Оказывается, что среди множества вьетнамских глаголов, соответствующих русскому глаголу «нести», существует особый глагол *hach* со значением «нести предмет в одной опущенной руке», только он и подходит для ситуации с чемоданом. Просто вьетнамец перевел его дословно с родного языка, передав все те компоненты значения, которые важны для его соплеменников. Во втором предложении не имеется в виду никакого восхождения в горы. Западное озеро находится на плоской местности в пределах Ханоя. Но любое перемещение с юга на север во вьетнамском языке передается глаголом *len* — *подниматься*, а это значит, что наш говорящий живет южнее Западного озера. Нижней (или внутренней) комнатой во вьетнамском языке называют комнату, расположенную позади (или сбоку) по отношению к главному, фасадному, помещению во вьетнамском доме, или любую другую комнату в квартире, кроме гостиной, имеющий более высокий статус по своей социальной функции.

Данные примеры наглядно демонстрируют различия в восприятии мира разными народами, отраженные в языке, и свидетельствуют о том, что изучение иностранного языка, владение им предполагает вхождение в иную концептуализацию мира, представленную в неродном языке. Эта задача является не менее сложной, чем усвоение основ грамматики иностранного языка, так как особенности восприятия и категориального членения мира, отраженные в родном языке, представляются его носителю настолько очевидными, что он считает их единственно возможными. Как свидетельствует исследователь языковой картины мира А.Д. Шмелев, «поскольку конфигурации идей, заключенных в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные».

На значимость подобных отличий в восприятии одного и того же содержания носителями разных языков и культур и необходимость их учета в процессе обучения методика стала обращать особое внимание после того, как в последней четверти XX в. стала развиваться когнитивная лингвистика, исследующая проблемы связи языка и сознания, роль языка в концептуализации мира, в самом механизме человеческого познания.

Однако уже и раньше в языкознании, и зарубежном, и отечественном, учеными исследовалась связь языка и мышления, что отражено в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртене. Если заглянуть чуть дальше вглубь истории, то можно отметить, что изучение ментальных отличий имеет более чем вековую историю. Как указывает известный петербургский лингвист В.В. Колесов, первыми о народном менталитете заговорили «социологи и культурологи, изучавшие первобытные племена, они отметили ментальные отличия от современных народов...». Рассматривая историю изучения менталитета, ученый отмечает, что вслед за социологами и культурологами о нем стали говорить психологи, историки, философы, а затем, с конца 60-х гг. прошлого века, лингвисты, которые «начали изучать проявления менталитета в категориях и формах народных языков».

Анализируя определение самого термина «менталитет» в пределах таких наук, как история, социология, психология, этнография, политология, философия, филология, ученый делает следующее обобщение: «менталитет в своих признаках есть наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях», и подчеркивает, что он проявляется «в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования». Ученый разводит два понятия — менталитет и ментальность, связывая первое прежде всего с рассудком, а второе — с «разумной сущностью духовности». Ментальность он определяет как *«национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их суц-*

ности и соответственно этому *действовать в определенной обстановке*», принимая за ее основную единицу концепт, который является основной единицей когнитивной грамматики.

В рамках отечественного языкознания использование когнитивного подхода в контрастивной лингвистике и этнолингвистических исследованиях, в области лингвокультурологии и межнациональной коммуникации вызвало интерес исследователей в вопросах соотношения языка и национального сознания (см., например, труды ученых воронежской школы), а в дальнейшем привело к разграничению сознания и языкового национального сознания (работы Е.Ф. Тарасова), выделению коммуникативного сознания народа и его коммуникативного поведения как составляющих когнитивного сознания нации (труды И.А. Стернина), обращению к этноязыковому сознанию (И.В. Привалова). Кроме теоретических работ в обозначенных выше областях стали появляться и описания конкретных особенностей русского языкового сознания и языковой картины мира [2; 4], в которых анализируются ключевые концепты, идеи, сквозные мотивы русской языковой картины мира, преимущественно на базе лексической системы языка.

Необходимость учета особенностей национального (этнического) языкового сознания и национальной языковой картины мира, хотя и постулируется в некоторых работах по теории методики преподавания иностранных языков (главным образом связанных с проблематикой лингвострановедения и лингвокультурологии), однако еще широко не представлена литературой практического характера, пособиями для преподавателей с фактологическим материалом, пригодным для использования в процессе обучения.

При этом следует отметить, что в пределах лингвокультурологии сопоставление национальных языковых картин, особенностей ментальности разных народов зачастую опирается не на сопоставление типологических характеристик культур с типологическими характеристиками языка, а на вырванные из языковой действительности факты и национально маркированные единицы языка (пресловутые «баня», «косоворотка» и т.п., фразеологизмы, пословицы) и образы культуры. Те комментарии, которые преобладают в лингвокультурологии в настоящее время, в основном являются историческими, социологическими, литературоведческими, то есть оперируют знаниями энциклопедического характера, и, по Касевичу, представляют собой не языковую, а тектовую картину мира [3. С. 183—184]. Понятно, что они направлены на обеспечение адекватного общения, призваны расширить фоновые знания носителя иной культуры, способствовать выработке его коммуникативной компетенции.

И все-таки в эпоху, когда «мы во главу угла поставили одну единственную функцию языка — коммуникативную», и она стала для нас «важнее постижения нового в пределах самой главной функции языка — речемыслительной», когнитивной [4. С. 177], не следует забывать о компетенции языковой. Ее формирование с учетом особенностей концептуализации мира в родном и изучаемом языках не в меньшей мере проясняет и национальную картину мира, и характер языковой личности, чем пространственные страноведческие комментарии к национально меченым единицам. При этом системный сопоставительный анализ будет способствовать

постепенному вхождению иностранца в мир иной ментальности и помогать ему избегать таких казусов в высказываниях, о которых мы говорили в начале статьи.

В современной методике признается, «что одной из основных причин неудач при освоении иностранного языка является тот факт, что человек оказывается не готовым принять иной смысловой мир и пытается «вписать» его в смысловую систему родного языка, в результате чего механизм смыслопорождения срывает вхолостую, а иностранный язык отторгается сознанием изучающего его субъекта» [8. С. 71]. Поэтому при изучении иностранного языка представляется важным сформировать билингвальное сознание, чтобы учащийся не отторгал, а сравнивал непривычные смысловые и языковые категории неродного языка с типичными для его собственного.

Однако осуществление этой задачи с целью преподавания русского языка иностранцам требует изучения и описания особенностей русского языкового сознания в сопоставлении с языковым сознанием и картиной мира носителя другого языка. Если и существуют исследования такого характера, привлекающие для сравнения западно-европейские языки (в основном английский, немецкий, французский), то для типологически далеких языков, например, как в случае с вьетнамским, научных разработок в данном направлении практически нет или они представлены фрагментарными исследованиями русистов — носителей данных языков, опубликованы за рубежом и неизвестны российским ученым, преподавателям, методистам.

Чтобы показать, насколько актуально знакомство вьетнамских учащихся с особенностями русского языкового сознания и русской языковой картины мира, значительно отличающихся от их собственных, перечислим лишь некоторые факты различий, многие из которых вызывают затруднения в усвоении русского языка. Например, классификация объектов, создающая базовое представление о мироустройстве, в русском языке опирается на категорию одушевленности—неодушевленности и категорию рода, а во вьетнамском, кроме одушевленности—неодушевленности, включает в себя показатели формы, назначения объекта и т.д. Другой пример: русское *мы* не несет в себе указания на то, включается ли в число лиц, обозначаемых этим местоимением, слушатель, вьетнамцы же проводят строгую дифференциацию *chung toi* — *мы*, исключая того, к кому обращено высказывание; *chung ta* — тоже *мы* — все участники коммуникации, включая того, к кому обращено высказывание [6. С. 254].

Наши наблюдения показали однако, что ни наличие двух слов для передачи значения личного местоимения первого лица множественного числа, ни обязательность использования при существительных своеобразных классификаторов (несущих значение одушевленности—неодушевленности, формы, назначения или функций объекта) во вьетнамском языке никак не сказываются на усвоении учащимися русского языка: эти языковые расхождения не вызывают вопросов учащихся.

Какие же различия ментальности, картины мира, языкового сознания служат преградой для вхождения в сферу изучаемого языка, являются причиной неправильного словоупотребления, грамматических и синтаксических ошибок, вызванных интерференцией?

Если различия концептуализации мира двумя народами упрощенно схематизировать, то можно выделить три вида расхождений:

1) полное или частичное отсутствие определенных концептов или смыслов в первом языке по сравнению со вторым;

2) полное или частичное отсутствие определенных концептов или смыслов во втором языке по сравнению с первым;

3) при общности концептуально-смыслового состава при отражении отдельного участка реальности в сравниваемых языках наличие различий в структурировании этого участка, в конфигурации смыслов.

Если принять за язык номер один изучаемый вьетнамцами русский язык, а за язык номер два соответственно их родной язык, то примером первого случая, кроме упоминавшегося нами смыслового различия в местоимении «мы», может служить и приведенный в начале статьи пример с глаголом «нести». Во вьетнамском языке имеется множество глаголов, соответствующих русскому глаголу «нести», но осложненных дополнительным значением, указывающим на способ осуществления действия:

mang, dem — нести (общее),
hach — нести в опущенной руке,
be, bong, am — нести на руках, прижимая к груди (обычно о ребенке),
bung, be, khuan — нести на вытянутых руках перед собой,
cap, nach, ker — нести подмышкой,
vac — нести на плече,
ganh, ghinh, khieng, quay, khenh — нести на коромысле,
cang, vong, kieu — нести на носилках,
cong, diu, deo — нести на спине,
doi — нести на голове,
tha — нести в зубах, в клюве (о животных, птицах),
quar — нести в когтях (о животных, птицах).

Второй вид различий можно продемонстрировать следующими примерами. Так, различие значений русских глаголов *скучать* и *помнить* будет стерто во вьетнамском языке, где существует лишь один глагол *nho*, не дифференцирующий данные значения. *Toi nho anh* возможно перевести и как *Я по тебе скучаю*, и как *Я тебя помню*. Не различаются во вьетнамском языке и ситуации, где представлено постоянное состояние (*Я очень скучаю по маме*.) и где состояние имеет определенную завершенность, чувства уже сформировались (*Я очень соскучился по маме*.). Оба случая будут соответствовать одному вьетнамскому предложению *Toi nho me lam*.

Вьетнамцам, особенно на начальном этапе изучения русского языка, очень трудно осознать и разницу между русскими глаголами *гулять* и *играть*, так как оба эти значения выражаются во вьетнамском языке одним глаголом *choi*, который к тому же в сочетании с глаголами движения может также иметь значение «ходить в гости, посещать кого-либо».

Третий вид различий, как отмечалось выше, связан с разным смысловым членением отдельного участка реальности и представляет собой более комплексную

систему, в которую на определенных ее участках могут входить и первые два вида различий.

Особо много национальных особенностей наблюдается у двух народов в осмыслении пространственной модели мира, что получило детальное описание в книге вьетнамского исследователя Ли Тоан Тханга [7]. Так, при структурировании пространства в одном языке существуют обозначения его отдельных частей, а в другом — нет. Например, во вьетнамском языке существует слово *gam*, указывающее на пустое пространство под предметом: *Con cho nam duoi gam ban* (*Собака лежит в пустом пространстве под столом.*), в русском языке обозначение пустого пространства под предметом отсутствует (первый вид различий).

Большие трудности также вызывает у вьетнамских учащихся выражение перемещения в пространстве, и не столько из-за разветвленной системы русских глаголов движения, сколько из-за различий в осмыслении ситуаций расположения и перемещения, ориентации на разную систему координат. Например, русским предложениям *Он сел/вошел в поезд, Он вышел из поезда* будут соответствовать вьетнамские аналоги с глаголами вертикального перемещения: *len* — *поднялся (вошел)*, *xiuong* — *спустился (вышел)*. Данные глаголы в пространственной модели мира вьетнамцев связаны и с социальными параметрами. Они могут указывать на социальный статус действующих лиц: *подняться* — значит, пойти/прийти к лицу высшего статуса в социальной или семейной иерархии, *спуститься* — пойти к лицу низшего статуса. Само пространство, например, городское, также осмысливается с учетом социальных ориентиров: движение из центра города на окраину будет обозначаться глаголом *спуститься*, с юга или востока на север или запад — глаголом *подняться*, так как северо-западное направление воспринимается вьетнамцами как расположенное выше. Эти и другие многочисленные различия в членении пространства, осмыслении пространственной ориентации, местонахождения, перемещения и являются причиной ошибок, вызванных смысловой интерференцией.

Трудными для понимания носителями вьетнамского языка будут и другие языковые явления и категории, которые или отсутствуют, или менее полно представлены во вьетнамском языковом сознании, как например, категория качества, выражаемая в русском языке прилагательными качества и прилагательными действия (*черный — чернеющий*), безличность действия, возвратность и т.п.

Не меньшую сложность в разных культурах представляют и ситуации, в которых за основу членения определенного участка реальности берутся совершенно разные принципы, как в приведенном выше примере с «нижней» комнатой. Так, говоря о ментальной карте пространства дома, жилья, Ли Тоан Тханг отмечает, что специфика когнитивных представлений в пространстве дома у вьетнамцев определяется следующими показателями: какая часть дома воспринимается человеком как внешняя (наружная) — внутренняя или верхняя — нижняя (в этом случае имеется в виду иерархия в зависимости от социальных функций помещения, например, комната хозяина, комната слуги и т.п.), а также тем, какая ориентировочная схема выбирается человеком для перемещения внутри жилого пространства [7].

С. 95—103]. В русском языке членение пространства дома осуществляется в зависимости от предназначения отдельных комнат — гостиная, спальня, кухня — или их принадлежности — детская, комната родителей. Хотя во вьетнамском языке также отражен данный подход и имеются прямые соответствия названий комнат, все же традиционные взгляды на членение пространства жилья более усложнены, что будет вызывать трудности для русских, изучающих вьетнамский язык и пытающихся понять основы структурирования пространства вьетнамцами.

Так, русские предложения *Мать в спальне*, *Мать в гостиной* во вьетнамском языке будут переданы с указанием не только на функцию помещений, но и с добавлением семантической оппозиции «внутренний — внешний»: *Me o trong buồng ngi* (букв. *мать* + *находиться* + *внутри* + *спальня*); *Me o ngoai phong khach* (букв. *мать* + *находиться* + *снаружи* + *гостиная*) (пример Ли Тоан Тханга).

Взаимное недоумение будут вызывать предложения, указывающие на перемещения человека из другой комнаты в гостиную. Вьетнамцам будет непонятно, почему в русском предложении *Он входит в гостиную* используется глагол *входит*, ведь гостиная — это внешняя, наружная комната по отношению ко всем другим. Русские будут удивлены, почему в переводе этого предложения на вьетнамский язык нужно использовать глагол *ra* — *выходить*: *No di ra phong khach* (букв. *он* + *идти* + *выходить* + *комната* + *гость*).

Специфика национального языкового сознания не ограничивается лексико-семантической системой языка, а проявляется на всех его уровнях. Очевидно, что и национальный менталитет, и языковая картина мира не просто складываются из национально меченых лексем, а обусловлены набором и развитием понятийных категорий, выраженных в грамматике языка. Почему в английском языке детально представлена модальность, а в русском — категория вида действия? Почему для характеристики расстояния вьетнамец выберет пространственный показатель (*Отсюда до моей гостиницы километр пути.*), а русский — временной (*Отсюда до моей гостиницы десять минут пешком.*)?

Эти и другие вопросы рассматриваются в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (А. Вежбицкой, В.Б. Касевича, В.В. Колесова, Ю.С. Степанова и др.), которые изучают связь ментальности и языка, зависимость грамматической системы языка от типа культуры, характера национального сознания.

Национальные особенности понятийных категорий, выраженные в грамматике языка, обусловленность определенных языковых моделей культурно-мировоззренческими факторами — эти явления требуют дальнейшего осмысления в методике преподавания русского языка иностранцам. При этом формирование языкового сознания иностранцев в процессе изучения русского языка целесообразно осуществлять с учетом результатов таких сопоставительных описаний русского и их родного языка, в которых были бы представлены сходства и различия в концептуальной и языковой картине мира обоих народов.

Первые шаги в данном направлении были сделаны в рамках лингвокультурологии, учитывающей достижения и этнолингвистики, и когнитивных исследований и наиболее близкой к практике преподавания русского языка.

Дальнейшая задача лингвистов, нацеленная не только на теоретические открытия, но и на потребности методики — изучение и описание когнитивного, культурного и языкового пространства русского языка в сопоставлении с другими языками. Остается надеяться на развитие таких исследований, охватывающих и восточные языки, типологически далекие от русского, что и естественно, и актуально для эпохи нового витка антропоцентризма в лингвистике и смежных гуманитарных областях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гак В.Г.* Языковые преобразования. — М.: Языки русской культуры, 1998.
- [2] *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
- [3] *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004.
- [4] *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». — СПб.: Златоуст, 1999.
- [5] *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.
- [6] *Краевская Н.М.* Новое — хорошо забытое старое. Лингвокультурология: к вопросу о предмете // Проблемы функционирования и преподавания русского языка в Юго-Восточной Азии. Доклады и сообщения международной конференции. — Ханой, 2005.
- [7] *Ли Тоан Тханг.* Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков). — М.: РАН, Институт языкознания, 1993.
- [8] *Цветкова Т.К.* Проблемы сознания в контексте обучения иностранному языку: Формирование иноязычного познания // *Вопр. психологии.* — 2001. — № 4. — С. 68—81.
- [9] *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005.

FEATURES OF NATIONAL LANGUAGE MENTALITY. TYPOLOGICALLY FAR LANGUAGES AND TRAINING PROBLEMS

N.M. Kraevskaya

The Hanoi state university
Vietnam, Hanoi, 15, 157234

Nowdays the increasing attention is given to studying of foreign languages in connection with a native language of the student. In the course of Russian studying the Vietnamese students get acquainted with features of Russian language consciousness and Russian language picture of the world, is considerable different from their own. In this article the author lists the facts of similarities and distinctions, many of which cause difficulties in the process of studying Russian.

Key words: Language picture of the world, mentality, foreign language studying, Russian in Vietnam, difficulties of studying of Russian.